

Джеймс Джойс
Мать

Серия «Дублинцы», книга 13

*Александр Продан alexpro@enteh.com [http://
belolibrary.imwerden.de/](http://belolibrary.imwerden.de/)*

Джойс Д. Дублинцы: Известия; М.; 1982

Оригинал: James Joyce, "Dubliners/A Mother"

Перевод:

Нина Леонидовна Дарузес

Содержание

*

4

Джеймс Джойс

Мать

*

Мистер Хулоен, помощник секретаря общества «Eire Abu»¹, чуть ли не целый месяц бегал по всему Дублину; в руках у него был ворох грязных бумажонок, такие же бумажки торчали у него из кармана: он устраивал цикл концертов. Одна нога у него была короче другой, и за это приятели прозвали его «Колченогий Хулоен». Он беспрестанно сновал взад и вперед, часами простаивал на перекрестке, со всеми обсуждал свои дела и что-то записывал, но кончилось тем, что все устроила миссис Кирни.

Мисс Девлин стала госпожой Кирни всем назло. Она воспитывалась в хорошем монастыре, где ее обучали французскому языку и музыке. Вялая по натуре и чопорная, она почти ни с кем не подружилась в школе.

¹ «Зрелая Ирландия» (*ирл.*), одно из обществ, организованных участниками Кельтского Возрождения. Ирония Джойса очевидна: Ирландия деятелей Возрождения никак не представлялась ему зрелой, напротив, наивно-сентиментальной. Фамилия мистера Хулоена явно перекликается с именем героя известной пьесы У. Б. Йейтса, одного из деятельных участников Ирландского Возрождения, «Кэтлин, дочь Хулиэна» (1902).

Когда пришло время выдавать ее замуж, ее стали вывозить в общество, где многие восхищались ее игрой и изысканными манерами. Она сидела, окруженная ледяной стеной своих совершенств, и дожидалась, что найдется, наконец, поклонник, который возьмет их приступом и предложит ей блистательную жизнь. Но те молодые люди, которых она встречала, ничем не выделялись, и она не поощряла их; а свои романтические порывы умеряла тем, что потихоньку объедалась восточными сладостями. Тем не менее, когда она засиделась в девушках и подруги начали чесать язычки на ее счет, она заткнула им рты, выйдя замуж за мистера Кирни, у которого была небольшая сапожная мастерская на набережной Ормонд. Он был намного старше ее. Его речь, всегда серьезная, застревала в длинной каштановой бороде. После первого года замужества миссис Кирни поняла, что такой муж – гораздо надежнее какого-нибудь романтического юноши, но с романтическими идеями все-таки не рассталась. Он был воздержан, бережлив и набожен, причащался каждую первую пятницу месяца, иногда вместе с женой, чаще – один. И все же она оставалась неизменно тверда в вере и была ему хорошей женой. Где-нибудь в гостях, в мало-знакомом доме, стоило ей чуть-чуть шевельнуть бровями, как он вставал и прощался, а когда его мучил кашель, она укутывала ему ноги пуховым одеялом и готовила крепкий пунш. Он, со своей стороны, был при-

мерным отцом семейства. Выплачивая еженедельно небольшую сумму, он обеспечил обеим дочерям по сто фунтов приданого к тому времени, когда каждой из них исполнится двадцать четыре года. Старшую дочь, Кэтлин, он отдал в хороший монастырь, где ее обучили французскому языку и музыке, а потом платил за нее в Академию². Каждый год, в июле месяце, миссис Кирни находила случай сказать какой-нибудь приятельнице: – Мой муж отправляет нас в Скерриз недели на три.

А если это был не Скерриз, то Хоут или Грейстонз³.

Когда Ирландское Возрождение обрело силу, миссис Кирни решила извлечь выгоду из имени своей дочери и пригласила на дом учителя ирландского языка. Кэтлин⁴ с сестрой посылали друзьям красочные открытки с видами Ирландии и в ответ получали от них такие же красочные открытки. В те воскресенья, когда мистер Кирни ходил со своей семьей к мессе, на углу улицы после службы собиралась кучка народа. Все это были друзья семейства Кирни, с которыми их связывал интерес к музыке или к Гэльскому Возрождению: когда обмен сплетнями заканчивался, все они пожимали друг другу руки, смеясь над тем, что сразу скрещивается столько рук, и говорили друг другу «до свидания».

² Имеется в виду Королевская Академия музыки.

³ Модные курортные места в Ирландии.

⁴ Кэтлин – излюбленное ирландское имя.

ния» по-гэльски. Скоро имя мисс Кэтлин Кирни стали повторять все чаще и чаще. Говорили, что она прекрасная музыкантша и очень милая девушка, а сверх того — убежденная сторонница Гэльского Возрождения. Миссис Кирни была очень этим довольна. И потому она нисколько не удивилась, когда в один прекрасный день к ней явился мистер Хулоен и предложил ее дочери сопровождать на четырех больших концертах, которые Общество собиралось дать в концертном зале Энтъент. Она проводила его в гостиную, предложила сесть и подала графин с вином и серебряную корзиночку с печеньем. Она с увлечением входила во все детали этого предприятия, советовала и отговаривала; наконец, был составлен контракт, согласно которому Кэтлин должна была получить восемь гиней за сопровождение на четырех больших концертах.

Мистер Хулоен был новичком в таком тонком деле, как составление афиши и чередование номеров программы, и поэтому миссис Кирни помогала ему. Она обладала тактом. Ей было известно, каких артистов нужно печатать крупным шрифтом, а каких — мелким. Ей было известно, что первый тенор не захочет выступать после комических куплетов мистера Мида. Чтобы публика не соскучилась, она вставляла между сомнительными номерами испытанных любимцев публики. Мистер Хулоен заходил к ней каждый день посоветоваться покакому-нибудь вопросу. Она неизменно при-

нимала его дружески и покровительственно – прямо как родного. Она пододвигала к нему графин, говоря:

– Наливайте, мистер Хулоен!

А когда он брался за графин, она говорила:

– Ну же, наливайте полней!

Все шло как по маслу. Миссис Кирни купила прелестный коралловый шармез у Брауна Томаса⁵ для вставки к платью Кэтлин. Он обошелся ей недешево, но бывают такие случаи, когда стоит потратить лишнее. Она взяла десяток билетов по два шиллинга на последний концерт и разослала их тем из своих друзей, на присутствие которых иначе нельзя было рассчитывать. Она помнила обо всем, и благодаря ей все, что следовало сделать, было сделано.

Концерты должны были состояться в среду, четверг, пятницу и субботу. Когда в среду вечером миссис Кирни явилась с дочерью в концертный зал Энтъент, ей сразу что-то не понравилось. Несколько молодых людей с ярко-голубыми значками⁶ в петлицах празднично стояли в вестибюле; ни на ком не было фрака. Она прошла с дочерью мимо них и, бросив быстрый взгляд в открытые двери зала, поняла, почему распорядители

⁵ Фешенебельный магазин в Дублине, где продавались дорогие товары. Шармез – вид тонкой шелковой ткани.

⁶ Такие значки носили члены Гэльской спортивной лиги. Развитие спорта, особенно его национальных видов, также было одним из пунктов программы Возрождения.

стоят без дела. Сначала она подумала, не ошиблась ли во времени. Нет, было без двадцати минут восемь.

В артистической позади сцены ее представили секретарю Общества, мистеру Фицпатрику. Она улыбнулась и подала ему руку. Это был маленький человечек с бледным, безразличным лицом. Она заметила, что мягкую коричневую шляпу он носит набекрень и говорит с сильным английским акцентом. Он держал в руке программу и, разговаривая с миссис Кирни, изжевал ее уголок. Он, видно, легко переносил удары судьбы. Каждые пять минут в комнату входил мистер Хулоен и сообщал, как идет продажа билетов. Артисты взволнованно переговаривались между собой и, поглядывая время от времени в зеркало, свертывали и развертывали ноты. Было уже около половины девятого, когда немногочисленные зрители в зале начали выражать свое нетерпение. Вошел мистер Фицпатрик, безразлично улыбнулся присутствующим и сказал:

– Ну, что же, леди и джентльмены! Я полагаю, пора открывать бал.

Миссис Кирни одарила его быстрым и презрительным взглядом, затем сказала дочери ободряющим тоном:

– Ты готова, милочка?

Улучив минуту, она отозвала мистера Хулоена в сторону и спросила его, что все это значит. Мистер Хулоен не знал, что все это значит. Он сказал ей, что коми-

тет сделал ошибку, решив устроить четыре концерта, – четыре слишком много.

– А эти артисты! – сказала миссис Кирни. – Конечно, они из кожи лезут вон, но, право же, все они никуда не годятся.

Мистер Хулоен согласился, что артисты никуда не годятся: комитет, по его словам, решил махнуть рукой на первые три концерта и приберечь все таланты к субботе. Миссис Кирни промолчала, но по мере того, как посредственные исполнители на сцене сменяли один другого, а публика в зале все редела и редела, она начала жалеть, что потратилась ради такого концерта. Что-то во всем этом ей не нравилось, а безразличная улыбка мистера Фицпатрика ужасно ее раздражала. Однако она молчала и ждала, чем все кончится. К десяти часам программа истощилась, и все быстро разошлись по домам.

В четверг на концерте было больше народа, но миссис Кирни сразу увидела, что в зале сидят одни контрамарочники. Публика вела себя бесцеремонно, словно не на концерте, а на генеральной репетиции. Мистер Фицпатрик, по-видимому, был очень доволен, он вовсе не замечал того, что миссис Кирни следит за его поведением и сердится. Он стоял у бокового софита, по временам высовывая голову, и пересмеивался с двумя приятелями, сидевшими с краю на галерке. К концу вечера миссис Кирни узнала, что в пятницу концерт

не состоится и что комитет решил сделать невозможное, но добиться полных сборов в субботу вечером. Услышав это, миссис Кирни разыскала мистера Хулоена. Она перехватила его по дороге, когда он, хромя и спеша, нес стакан лимонада какой-то молодой особе, и спросила его, правда ли это. Да, это была правда.

– Но ведь это, разумеется, не меняет контракта. Контракт был заключен на четыре концерта.

Мистер Хулоен торопился; он посоветовал ей поговорить с мистером Фицпатриком. Миссис Кирни начала беспокоиться. Она вызвала мистера Фицпатрика из-за софита и сказала ему, что дочь ее подписала контракт на четыре концерта и что, само собой разумеется, она должна получить предусмотренную контрактом сумму независимо от того, даст общество четыре концерта или меньше. Мистер Фицпатрик, который сразу не понял, в чем дело, как видно, затруднялся разрешить этот вопрос и сказал, что поставит его перед комитетом. От гнева кровь бросилась ей в лицо, и она едва сдержалась, чтобы не съязвить: «А кто это „Комитет“, скажите, пожалуйста?»

Но она чувствовала, что это было бы недостойно воспитанной женщины, и промолчала.

В пятницу с раннего утра по улицам Дублина разослали мальчишек с пачками афиш. Специальное объявление появилось во всех вечерних газетах, напоминая меломанам о празднике, который ожидал их зав-

тра вечером. Миссис Кирни несколько успокоилась, но все же сочла нужным поделиться своими опасениями с мужем. Он внимательно выслушал ее и сказал, что, пожалуй, будет лучше, если в субботу он пойдет вместе с ней. Она согласилась. Миссис Кирни уважала мужа так же, как уважала Главный почтамт – как нечто большое, основательное и надежное; и хотя знала, что таланты его немногочисленны, ценила в нем абстрактное достоинство мужчины. Она была рада, что он предложил себя в спутники. Она снова обдумала свой план.

Наступил вечер большого концерта. Миссис Кирни вместе с мужем и дочерью явилась в концертный зал Энтъент за три четверти часа до начала. К несчастью, вечер был дождливый. Миссис Кирни отдала накидку и ноты дочери на сохранение мужу и обошла все здание, разыскивая мистера Хулоена или мистера Фицпатрика. Она не могла найти ни того, ни другого. Она спрашивала распорядителей, есть ли тут кто-нибудь из членов комитета, и наконец после больших трудов один из них разыскал маленькую женщину по имени мисс Бейрн, которой миссис Кирни объяснила, что ей нужен кто-нибудь из секретарей. Мисс Бейрн ожидала их с минуты на минуту и спросила, не может ли она быть чем-нибудь полезна. Миссис Кирни испытующе посмотрела на старообразное лицо, в котором застыло выражение восторга и доверчивости, и ответила:

– Нет, благодарю вас!

Маленькая женщина выразила надежду, что зал сегодня будет полон. Она смотрела на дождь до тех пор, пока унылый вид мокрой улицы не стер восторг и доверие с ее морщинистого лица. Тогда она сказала с легким вздохом:

– Ну что ж! Видит бог, мы сделали все что могли!

Миссис Кирни пришлось вернуться в артистическую.

Артисты съезжались. Бас и второй тенор уже приехали. Бас, мистер Дагген, был стройный молодой человек с торчащими черными усиками. Он был сыном швейцара в какой-то из контор города и еще в детстве оглашал огромный вестибюль конторы своим зычным голосом. Из этого скромного положения он выбился своими силами и в конце концов стал первоклассным артистом. Он выступал и в опере. Как-то раз, когда заболел один из оперных артистов, он исполнял партию короля в опере «Маритана»⁷ в Театре королевы⁸. Он спел свою партию с большим чувством и силой и был очень тепло принят галеркой; к несчастью, он испортил хорошее впечатление тем, что по забывчивости высморкался раза два в лайковую перчатку. Он был непритязателен и говорил мало. Он говорил «дык» (вместо «так») до такой степени мягко, что это проходило

⁷ Опера ирландского композитора Уильяма Винсента Уоллеса (1814—1865) на либретто Эдуарда Фицболла.

⁸ Один из трех крупных театров в Дублине в начале XX в. В отличие от Королевского театра и Варьете не имел постоянного репертуара.

незамеченным, и, заботясь о своем голосе, никогда не пил ничего крепче молока. Мистер Белл, второй тенор, был белокурый человечек, ежегодно участвовавший в «Feis Ceoil»⁹. На четвертом конкурсе ему была присуждена бронзовая медаль. Он был болезненно истеричен и болезненно завидовал другим тенорам, прикрывая свою истерическую зависть бурными изъявлениями дружбы. Его слабостью было рассказывать всем, какая пытка для него выступать в концертах. Поэтому, завидев мистера Даггена, он подошел к нему и спросил:

– Вы тоже участвуете?

– Да, – сказал мистер Дагген.

Мистер Белл улыбнулся своему товарищу по несчастью и, протянув руку, сказал:

– Сочувствую!

Миссис Кирни прошла мимо этих двух молодых людей и подошла к софиту, оглядывая зал. Места быстро заполнялись, и в зале стоял приятный шум. Она вернулась в артистическую и переговорила по секрету с мужем. Говорили они, по-видимому, о Кэтлин, потому что оба то и дело поглядывали на нее, а она стояла и разговаривала с одной из своих приятельниц, мисс Хили, контраalto.

⁹ Праздник (*ирл.*). Здесь: название ежегодного музыкального дублинского конкурса, учрежденного в 1897 г. с целью способствовать развитию национальной ирландской музыки.

Никому не знакомая дама с бледным лицом вошла в комнату. Женщины зорко оглядели линиярое голубое платье, обтягивавшее ее костлявую фигуру. Кто-то сказал, что это мадам Глинн, сопрано.

– Удивительно, где они ее откопали, – сказала Кэтлин, обратившись к мисс Хили. – Я никогда о ней не слышала.

Мисс Хили пришлось улыбнуться.

В эту минуту в комнату, прихрамывая, вошел мистер Хулоен, и обе девушки спросили у него, кто эта незнакомая дама. Мистер Хулоен сказал, что это мадам Глинн из Лондона. Со своего наблюдательного поста в углу комнаты мадам Глинн, которая так крепко держала свернутые ноты, точно боялась с ними расстаться, удивленно оглядывала присутствующих. Тень скрыла ее линиярое платье, но как бы в отместку подчеркнула маленькую впадину над ключицей. Шум в зале становился слышней. Первый тенор и баритон приехали вместе. Оба они были хорошо одеты, упитанные, благодущные и внесли с собой какую-то атмосферу довольства. Миссис Кирни подвела к ним свою дочь и любезно с ними заговорила. Ей хотелось быть с ними на дружеской ноге, но, стараясь быть любезной, она в то же время следила за хромым мистером Хулоеном, который так и норовил скрыться из виду. Как только представился случай, она извинилась и вышла вслед за ним.

– Мистер Хулоен, нельзя ли вас на минутку, – сказала она.

Они отошли в самый дальний конец коридора. Миссис Кирни спросила, когда же заплатят ее дочери. Мистер Хулоен сказал, что это дело мистера Фицпатрика. Миссис Кирни сказала, что она знать не знает мистера Фицпатрика. Ее дочь подписала контракт на восемь гиней, и ей должны заплатить. Мистер Хулоен сказал, что это не его дело.

– То есть как не ваше? – спросила миссис Кирни. – Ведь вы сами принесли ей контракт? Во всяком случае, если это не ваше дело, то оно мое, и я намерена о нем позаботиться.

– Вам лучше переговорить с мистером Фицпатриком, – сказал мистер Хулоен рассеянно.

– Я знать не знаю вашего мистера Фицпатрика, – повторила миссис Кирни. – У меня есть контракт, и я намерена позаботиться о том, чтобы он был выполнен.

Она вернулась в артистическую, щеки ее слегка покраснели. В комнате было оживленно. Двое мужчин в пальто завладели уголком у камина и фамильярно болтали с мисс Хили и баритоном. Это были репортер от «Фримен» и мистер О'Мэдден Бэрк. Репортер зашел сказать, что не может дожидаться концерта: ему нужно написать заметку о лекции, которую читает в Замке американский пастор. Он сказал, чтобы заметку о концерте занесли в редакцию, а он уж позаботится, чтобы ее

напечатали. Это был седовласый джентльмен с благозвучным голосом и осторожными манерами. Он держал в руке потухшую сигару, и аромат сигарного дыма плавал вокруг него. Он не собирался здесь задерживаться, потому что концерты и исполнители давно ему наскучили, однако остался и стоял, облокотившись на каминную доску. Перед ним стояла мисс Хили, разговаривая и смеясь. Он был достаточно стар, чтобы угадать единственную причину ее любезности, но достаточно молод духом, чтобы не упустить момент. Ему были приятны теплота, благоухание и цвет ее кожи. Он с удовольствием сознавал, что грудь, которая медленно поднимается и опускается перед его глазами, поднимается и опускается в эту минуту ради него, что смех, благоухание и кокетливые взгляды – дань ему. Когда оставаться дольше было нельзя, он с сожалением простился с ней.

– О'Мэдден Бэрк напишет заметку, – объяснил он мистеру Хулоену, – а я ее напечатаю.

– Благодарю вас, мистер Хендрик, – сказал Хулоен. – Я знаю, вы ее напечатаете. Не хотите ли чего-нибудь выпить на дорогу?

– Не откажусь, – сказал мистер Хендрик.

Они вдвоем прошли по извилистым коридорам, поднялись по темной лестнице и вошли в укромную комнату, где один из распорядителей уже откупоривал бутылки для нескольких джентльменов. Один из них был

мистер О'Мэдден Бэрк, которого привело сюда чутье. Это был вкрадчивый пожилой джентльмен, он опирался задом на большой шелковый зонтик и раскачивался. Его звучная ирландская фамилия была тоже зонтиком, в тени которого пышно расцветали его финансовые махинации. Он пользовался всеобщим уважением.

Пока мистер Хулоен беседовал с репортером, миссис Кирни настолько оживленно беседовала с мужем, что он был принужден попросить ее понизить голос. Разговор всех остальных в артистической сделался несколько напряженным. Мистер Белл, первый номер программы, стоял наготове, держа ноты в руках, но аккомпаниаторша не двигалась с места. По-видимому, что-то было неладно. Мистер Кирни смотрел прямо перед собой, поглаживая бороду, а миссис Кирни говорила что-то на ухо Кэтлин, сдержанно и значительно. Из залы доносился шум нетерпения, хлопки и топанье. Первый тенор, баритон и мисс Хили стояли все вместе, спокойно выжидая, но мистер Белл очень волновался, боясь, как бы публика не подумала, что опаздывают из-за него.

Мистер Хулоен и мистер О'Мэдден Бэрк вошли в комнату. Мистер Хулоен сразу понял причину молчания. Он подошел к миссис Кирни и серьезным тоном заговорил с ней. Они говорили, а шум в зале становился все сильнее. Мистер Хулоен очень покраснел и

взволновался. Он говорил быстро, а миссис Кирни коротко вставляла время от времени:

– Она не выйдет. Сначала заплатите восемь гиней.

Мистер Хулоен в отчаянии указал на дверь, за которой шумела и топала публика. Он обращался к мистру Кирни и Кэтлин. Но мистер Кирни все гладил свою бороду, а Кэтлин глядела в землю, шевеля носком новой туфли: это была не ее вина. Миссис Кирни повторила:

– Без денег она и шагу не ступит.

После быстрой словесной перепалки мистер Хулоен заковылял к дверям. Когда напряженное молчание начало становиться тягостным, мисс Хили сказала баритону:

– Видели вы миссис Кэт Кэмпбел¹⁰ на этой неделе?

Баритон ее не видел, но ему передавали, что она прекрасно выглядит. Разговор оборвался. Первый тенор, склонив голову, начал пересчитывать звенья золотой цепочки, протянувшейся поперек его живота, пробуя голос и беря наудачу то одну, то другую ноту. Время от времени все смотрели на миссис Кирни.

Шум в зале перешел в рев, когда мистер Фицпатрик ворвался в комнату; следом за ним вбежал, задыхаясь, мистер Хулоен. Хлопки и топанье в зале перемежались свистом. Мистер Фицпатрик держал в руке не-

¹⁰ Имеется в виду Патрик Кэмпбел, известная английская актриса, знакомая Б. Шоу. Много гастролировала в разных странах.

сколько кредитных билетов. Он отсчитал четыре из них в руку миссис Кирни и сказал, что другую половину она получит в антракте.

Миссис Кирни сказала:

– Четырех шиллингов не хватает.

Но Кэтлин уже подобрала юбку и сказала: «Ну, мистер Белл» первому номеру программы, который дрожал как осиновый лист. Певец и аккомпаниаторша вышли вместе. Шум в зале замер. Наступила пауза в несколько секунд, затем послышался рояль.

Первое отделение программы сошло благополучно, кроме номера мадам Глинн. Бедняга спела «Килларни»¹¹ беззвучным, прерывающимся голосом, со всеми старомодными ужимками, интонациями и произношением, которые, как ей казалось, придавали пению изысканность. Она выглядела так, будто ее взяли напрокат из старой костюмерной, и публика на дешевых местах потешалась над ее пронзительным завыванием. Однако первый тенор и контральто сумели завоевать симпатию публики. Кэтлин сыграла попури из ирландских песен и заслужила аплодисменты. Первое отделение закончилось пламенными патриотическими стихами, которые продекламировала молодая особа, устроительница любительских спектаклей. Декламация была встречена заслуженными аплодисмен-

¹¹ Баллада из оперы М. Балфа. Килларни – живописный район на юго-западе страны, знаменитый своими озерами.

тами, и, когда она закончилась, объявили антракт, и мужчины вышли курить.

Все это время артистическая гудела, как улей. В одном углу собрались мистер Хулоен, мистер Фицпатрик, мисс Бейрн, два распорядителя, баритон, бас и мистер О'Мэдден Бэрк. Мистер О'Мэдден Бэрк говорил, что такого возмутительного поведения он не видел. После этого, говорил он, музыкальная карьера мисс Кэтлин Кирни кончена в Дублине. Спросили баритона, что он думает о поведении миссис Кирни. Он уклонился от ответа. Он получил что следовало и не желал ни с кем ссориться. Тем не менее он сказал, что миссис Кирни могла бы больше считаться с исполнителями. Когда начался антракт, организаторы горячо спорили о том, как следует поступить, когда кончится антракт.

– Я согласен с мисс Бейрн, – сказал мистер О'Мэдден Бэрк. – Не платите ей ничего.

В другом углу комнаты стояли миссис Кирни с мужем, мистер Белл, мисс Хили и молодая особа, которая декламировала патриотические стихи. Миссис Кирни говорила, что комитет поступил с ней возмутительно. Она не жалела ни трудов, ни расходов, и вот как ей отплатили.

Они думали, что будут иметь дело с неопытной девушкой, которой можно помыкать как хочешь. Она им покажет. Они не посмели бы с ней так обращаться, будь она мужчиной. Но она позаботится о том, что-

бы дочь ее получила, что ей следует *по праву*, – ее не проведешь. Если ей не заплатят все до последнего фартинга, она поднимет шум на весь Дублин. Конечно, ей очень неловко перед артистами. Но что же делать? Она обратилась ко второму тенору, который сказал, что, по его мнению, с ней поступили несправедливо. Потом она обратилась к мисс Хили. Той хотелось примкнуть к другой группе, но она не могла этого сделать, так как была большой приятельницей Кэтлин и ее часто приглашали в гости.

Как только кончилось первое отделение, мистер Фицпатрик и мистер Хулоен подошли к миссис Кирни и сказали, что остальные четыре гинеи она получит в следующий вторник, после заседания комитета, и что, если ее дочь не будет играть во втором отделении, комитет будет считать контракт расторгнутым и не заплатит ничего.

– Я никакого комитета не знаю, – сердито отвечала миссис Кирни, – у моей дочери есть контракт. Она должна получить на руки четыре фунта восемь шиллингов, иначе ноги ее не будет на этой сцене.

– Удивляюсь вам, миссис Кирни, – сказал мистер Хулоен. – Никогда не думал, что вы с нами так поступите.

– А вы со мной как поступаете? – спросила миссис Кирни. Лицо ее залилось краской гнева, и вид у нее был такой, что она вот-вот бросится на кого-нибудь с кулаками.

– Я требую то, что мне следует, – сказала она.

– Вы могли бы помнить о приличиях, – сказал мистер Хулоен.

– Вот как?.. Я спрашиваю, заплатят ли моей дочери, и не могу добиться вежливого ответа.

Она вскинула голову и придала надменность своему голосу:

– Вы должны говорить с секретарем. Это не мое дело. Я решаю важные вопросы и ... ну все такое прочее.

– А я считал вас воспитанной дамой, – сказал мистер Хулоен и отошел.

После этого поведение миссис Кирни было осуждено бесповоротно: все одобрили решение комитета. Она стояла в дверях, бледная от ярости, ссорясь с мужем и дочерью и жестикулируя. Она дожидалась второго отделения в надежде, что устроители подойдут к ней. Но мисс Хили любезно согласилась проаккомпанировать один или два номера. Миссис Кирни пришлось посторониться, чтобы пропустить на сцену баритона и аккомпаниаторшу. С минуту она стояла неподвижно, как разгневанный каменный идол, но когда первые ноты романса донеслись до нее, она схватила накидку своей дочери и сказала мужу:

– Ступай за кебом!

Он сейчас же пошел. Миссис Кирни закутала дочь в накидку и вышла вслед за ним. В дверях она остановилась и гневно сверкнула глазами на мистера Хулоена.

– Я еще с вами не разделалась, – сказала она.

– Зато я с вами разделался, – сказал мистер Хулоен.

Кэтлин послушно шла за матерью.

Мистер Хулоен начал шагать взад и вперед по комнате, чтобы остыть: он весь пылал.

– Вот так воспитанная дама! – восклицал он. – Нечего сказать!

– Вы сделали именно то, что следовало, Хулоен, – сказал мистер О'Мэдден Бэрк, в знак одобрения опираясь всем телом на зонтик.